

Title	ТАК ПОХОЖЕ НА РОССИЮ, ТОЛЬКО ВСЕ ЖЕ НЕ РОССИЯ : О КНИГЕ ПРОФЕССОРА ХАКАМАДА И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ
Author(s)	КУНАДЗЕ, Георгий
Citation	Acta Slavica Iaponica, 8, 183-191
Issue Date	1990
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8009
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034177.pdf

BOOK REVIEWS

ТАК ПОХОЖЕ НА РОССИЮ, ТОЛЬКО ВСЕ ЖЕ НЕ РОССИЯ : О КНИГЕ ПРОФЕССОРА ХАКАМАДА И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ

Перестройка, начатая в СССР в апреле 1985 г. как типичная революция сверху, постепенно пробудила всю десятилетиями накапливавшуюся без выхода политическую активность советского общества, превратившись в подлинно народную революцию со своими противоречиями и кризисами, спадами и подъемами, хаотичным порой размежеванием взглядов и не менее хаотичным их совпадением. По всей огромной стране, обнажая ее экономические, социальные, идейно-теоретические, межнациональные и многие другие проблемы, поднялась мощная волна беспощадной в своей прямоте критики едва ли не всех сторон нашей жизни. В этом последнем феномене нет, если разобраться, ничего необычного. Демонтаж тоталитарного государства, а именно этим занят сегодня советский народ, неминуемо повышает в цене критическое начало, импульс к отречению от догм прошлого. Так или иначе в обстановке, когда критика и разоблачения стали чуть ли не главным критерием прогрессивности любой публикации, нас уже трудно удивить радикальностью критических суждений и негативных оценок нашей действительности. Как никогда высок интерес к работам зарубежных советологов. Здесь впрочем произошла вполне закономерная трансформация. Еще не так давно эти работы имели для многих из нас притягательность запретного плода, а кое-кому служили и верным источником существования. Вспомним как процветала у нас особая область обществоведения, занимавшаяся критикой зарубежных "очернителей реального социализма". Разоблачать классовую сущность и профессиональную несостоятельность западных советологов было легко и просто, наверное так же легко, как им анализировать нашу жизнь, о чем откровенно говорит профессор Хакамада в предисловии к своей книге. Совсем не так сегодня. Сегодня мы ищем в работах зарубежных авторов наблюдения и выводы, которые могли бы помочь нам лучше познать самих себя. Ведь взгляд со стороны может оказаться более точным. Конечно зарубежный автор — только наблюдатель, чаще всего не знакомый с мельчайшими деталями и подробностями, из которых как из мозаики складывается жизнь любого общества. Но он, как правило, не отягощен и господствующими в этом обществе стереотипами восприятия, психологически более свободен в своих суждениях о том, что для самих членов общества может выступать как нечто раз и навсегда данное, само собой разумеющееся.

Пока я писал это длинное вступление, несколько раз ловил себя на мысли о том, что подсознательно стараюсь оттянуть момент, когда нужно будет перейти от общих

рассуждений к разговору о книге моего старого знакомого профессора Хакамада. Дело в том, что знакомство с ней оставило у меня чувство неудовлетворенности. Попробую объяснить, почему это произошло.

Прежде всего вполне допускаю, что какая-то часть этой неудовлетворенности обусловлена преобладанием в работе Хакамада негативных критических оценок моей страны и моих соотечественников. Убежден, что примитивный критерий, согласно которому ругающий нас иностранец — враг и антисоветчик, а хвалящий — истинный друг — уже ушел в прошлое. Но, видимо, потребуется еще какое-то время, прежде чем мы окончательно перестанем делить работы о советском обществе по признаку национальной принадлежности их авторов, ибо истина одна, кто бы ее ни высказал. Пока же что-то все-таки мешает полностью воспринять критику иностранца, хотя, честно говоря, профессор Хакамада идет в ней совсем не так далеко, как многие популярные ныне советские авторы. Думаю, что по-человечески это вполне понятно. В конце концов и сами японцы склонны оценивать работы Ээры Вогеля куда выше, чем, скажем, книги Джона Воронова.

И все же главная причина неудовлетворенности от книги Хакамада конечно не в этом. Скорее она связана с тем, что анализ фундаментальных проблем советского общества, на который автор делает заявку во введении, остается незавершенным, а в некоторых аспектах — даже и не начатым.

Нет наверное автора, который не сетовал бы на малые размеры статьи или книги, не позволяющие раскрыть избранную тему с должной подробностью. В меру своих знаний и таланта каждый ищет свой собственный выход из положения. Одни ограничивают тему исследования. Другие — в попытке объять необъятное сознательно отказываются от академического подхода, подменяя его чисто журналистскими наблюдениями. Равное право на существование имеет любой жанр. Плохо только, когда отрывочные журналистские заметки выходят из-под пера признанного специалиста и претендуют в силу этого на глубину и законченность научного анализа. Профессор Хакамада бесспорно принадлежит к тем немногим ученым-советологам, которые знают нашу страну глубоко и разносторонне не только по книгам, но и на личном опыте. Трудно поэтому поверить в то, что он не смог создать подлинно законченное научное исследование. Тем более, что отдельные главы его книги написаны на очень высоком аналитическом уровне, свидетельствуют об удивительно тонком проникновении в существо проблем нашей страны. Однако даже эти главы носят, пожалуй, налет поспешности, недоговоренности. Создается впечатление, что автор порой сознательно уходит от развертывания своих научных концепций, подчиняясь жестким требованиям японского книжного рынка, где пользуются особой популярностью легкие сборники эссе, парадоксальные и занимательные, но все же не глубокие.

Разумеется, профессор Хакамада как добросовестный и честный человек не опускается до скверных анекдотов, как поступил, скажем, его коллега по университету Яояма гакуин Тэратани Хироми, который “открыл” некую закономерность чередования

в СССР лидеров с пышной шевелюрой и совсем лысых, ведя при этом отсчет с последнего русского царя. Не злоупотребляет Хакамада и традиционным описанием “происков КГБ.”

Но вот конкретный пример. Профессор Хакамада безусловно прав, когда отмечает очень дифференцированное, порой даже полярное отношение к перестройке разных групп населения и социальных слоев. Удивительного в этом ничего нет, коль скоро с показным единодушием покончено, а перестройка как и всякая революция затрагивает разные интересы разных людей. Ждешь анализа, а следует жесткий вывод об апатии большинства населения, которая выступает как препятствие перестройки. События последнего времени — массовый интерес к съезду народных депутатов, митинги, на которые выходят по всей стране десятки и сотни тысяч людей, забастовки — уже опровергли вывод об апатии. Сегодня я бы сделал прямо противоположный вывод о том, что главным гарантом непрерывности процесса преобразований, революционных перемен в советском обществе постепенно становится сегодня именно политическая активность основных масс населения. Конечно неподготовленный наблюдатель вряд ли мог предвидеть все это еще два года назад, когда вышла книга Хакамада. Но, думается, что профессионал высокого класса, такой как профессор Хакамада, и два года назад не имел права не заметить нарождавшуюся тенденцию.

Особое место в книге занимает, на мой взгляд, ее самая первая глава, где автор интересно размышляет о философских и нравственных основах социалистического учения. И в самом деле стоит, наверное, еще и еще раз задуматься о величии и драме самоотверженных людей, поверивших в возможность подчинения законов социального развития, в благородную идею построения идеального общества и очень скоро столкнувшихся с невероятно тяжелой, просто невыносимой нравственной проблемой выбора средств достижения главной цели. История не знает сослагательного наклонения. Бесполезно гадать, как развивались бы события, проживи дольше В. И. Ленин, окажись менее враждебной реакция на русскую революцию окружающего мира. Нам доступны только факты, которые свидетельствуют о том, что в конкретных уникально неблагоприятных для молодого Советского государства исторических условиях на смену поколению революционеров-идеалистов пришла клика Сталина, безжалостная и циничная даже по жестоким меркам первой половины XX в. Очевидно, нам всем еще предстоит по-настоящему разобраться, какую роль сыграло в такой трансформации так называемое “революционное насилие” применявшееся во имя высоких идеалов. Сделать это нужно обязательно не только в интересах исторической правды, но и во имя будущего человечества, ибо идея насилия как орудия социального прогресса отнюдь не изжита и в сегодняшнем мире.

Одним словом, профессор Хакамада безусловно прав, заостряя внимание на истории. Нельзя не согласиться с ним и когда он указывает на феномен недоверия к человеку, лежащий в основе сталинской модели “социализма.” Сомнительно однако, что это атрибут только и единственно сталинизма. Недоверие к человеку, принижение личности

характерно для любой тоталитарной системы. Здесь нет русской специфики.

Особо хотелось бы остановиться на выводе, который делает Хакамада в конце первой главы. Коротко его можно сформулировать так. Демократизация является обязательной предпосылкой успеха перестройки и одновременно одной из главных ее целей. Перестройка неминуемо провалится, если демократия, вера в человека будут всего лишь средствами социального и экономического укрепления страны. С этим выводом очень хочется согласиться, но с одной важной оговоркой. Профессор Хакамада вполне очевидно анализирует демократизацию и перестройку в СССР в целом только и единственно как революцию сверху. По его мнению, похоже, перемены в советском обществе даются властями, в то время как народ выступает как их пассивный получатель. В таком подходе немало справедливого. Демократизация — это еще не демократия, а гласность — еще не свобода слова. Много, очень много по-прежнему зависит от линии советского руководства. И все же, на мой взгляд, перестройка в СССР уже переросла рамки революции сверху. Иными словами, демократизация это уже не просто средство политики, но и норма общественного бытия и сознания, живое творчество масс.

Как не трудно заметить, я не согласен с профессором Хакамада в оценке движущих сил перестройки. В таком расхождении мнений страшного, разумеется, ничего нет. Как специалист он имеет ничуть не меньше прав на свою точку зрения, чем я на свою. Есть, однако, в его работе моменты, заставляющие задуматься о природе наших разногласий. Профессор Хакамада не дает окончательного ответа на вопрос о перспективах перестройки, то есть как бы резервирует свое мнение на будущее. В целом он однако настроен весьма пессимистично. Заметно это и в тональности изложения, и еще больше в том, что, анализируя советское общество конца 80-х годов, он постоянно обращается к реалиям прошлого периода: абсурдной абсолютизации планового начала в экономике, за которой скрывается стихийность, идеологизированному фасаду политики при деидеологизированном ее содержании. А ведь именно против этих недостатков мы сейчас боремся. Но об этом в книге Хакамада говорится совсем немного. Причина, на мой взгляд, в том, что свою основную задачу автор видел не столько в анализе действительности, сколько в опровержении стереотипов. Изложение идет по принципу: принято считать так, а на самом деле совсем по-другому. Новых стереотипов не хватает и тогда в ход идут старые. Вот и создается впечатление, что и перемены, и многие реальные проблемы нынешнего этапа развития советского общества автор просто не принимает всерьез, игнорирует.

Стремление автора опровергнуть стереотипы тоже оказывается не всегда корректным. Скажем, он противопоставляет повседневный прагматизм советских людей идеализму американцев. По словам Хакамада, ему трудно представить и советского человека, открыто действующего в соответствии со своими личными убеждениями, и столкновение идеалов в ходе парламентских дебатов. По иронии судьбы выборы народных депутатов, их полемика на Съезде, а затем и заседания Верховного Совета

СССР как будто специально призваны опровергнуть точку зрения Хакамада. Все настолько очевидно, что специально останавливаться на этом я не буду. Хочу сказать совсем о другом. Легко быть идеалистом в демократическом и материально процветающем обществе. Гораздо труднее отстаивать свои отличающиеся от официальных убеждения там, где за это полагается тюрьма или смерть, там, где даже простая пассивность в преклонении перед официальной идеологией сопряжена с невзгодами и лишениями. А между тем во все периоды истории нашей страны и до, и после революции всегда находились люди, готовые идти на смерть и лишения ради своих убеждений. И еще одно замечание. Нередко слова, которые мы используем для описания какой-либо реалии, непроизвольно отражают наше отношение к ней. Так и здесь. Советских людей профессор Хакамада называет циничными прагматиками, а вот Черчиля — реалистом. Смысл вроде один, а отношение автора, боюсь, разное.

Или другой пример того же логического ряда. Описывая национальный характер русских, автор не находит ничего лучше, чем уподобить их незамысловатым детям природы, варварам. Русские сравниваются при этом с африканцами и противопоставляются изощренным и утонченным японцам. Похоже, что автор сам чувствует неловкость от таких оценок. Во всяком случае он специально подчеркивает, что в них, дескать, нет ничего обидного. При этом он ссылается на то, что Ж. П. Сартр во время своего посещения Японии назвал французов варварами в сравнении с японцами. Надо ли, однако, объяснять, что есть вещи, которые люди любой национальности могут принять в устах соотечественника, но не готовы выслушать от иностранца. К тому же неожиданные сравнения так и не приблизили профессора Хакамада к истине. Во всяком случае разговор о национальном характере русских он заканчивает констатацией его парадоксальности. Читателю в итоге остается лишь удивляться, стоило ли такими извилистыми путями идти в сущности к тривиальному тезису о “загадочной славянской душе.” К слову замечу, что, например, рассуждения о “загадочных японцах — детях непостижимого Востока” уже давно считаются дурным тоном в нашем японоведении.

Оставим, однако, эмоции. Поговорим лучше об экономических проблемах перестройки в СССР. Тем более, что профессор Хакамада сопровождает их анализ некоторыми очень интересными наблюдениями. Вот одно из них. В основе советской экономической реформы лежат принципы, ассоциируемые для японцев с “классическим” консерватизмом. И, напротив, взгляды так называемых японских реформистов в контексте советской экономической реформы предстают как устаревший консерватизм. Этот вывод Хакамада иллюстрирует тем, что центральное место в советской реформе отводится самокупаемости и самофинансированию, чему в японских условиях соответствует, например, приватизация государственных железных дорог. Между тем японские реформисты категорически не согласны с приватизацией, считая ее чисто консервативной мерой. С указанным наблюдением нельзя не согласиться. Но есть ли здесь парадокс? На мой взгляд, нет. Прежде всего чисто этимологически понятия “консерватизм” и

“реформизм” означают соответственно сохранение и изменение существующего положения вещей. В экономической системе СССР, где и сегодня господствует государственный сектор в чистом виде, то есть предприятия, финансируемые из госбюджета, изменение этого положения через переход на самоокупаемость — и есть реформа. В экономической системе Японии, где доминирует частный сектор, сохранение и тем более расширение его сферы вполне может интерпретироваться как консерватизм. В принципе это очевидно означает, что экономические системы социализма и капитализма в перспективе будут сближаться, обогащаясь теми элементами, которых им не хватает.

Другое дело, что в Японии понятия “консерватизма” и “реформизма” уже давно приобрели преимущественно политическую окраску и обозначают два полюса политического спектра. Взаимоотношения и взгляды этих полюсов определяются, на мой взгляд, больше чисто политической логикой: каждая из двух сторон выступает против взглядов и действий другой. В эту сферу я за недостатком места предпочитаю не вторгаться.

В целом понятия “консерватизм” и “реформизм” многозначны. Они нуждаются, например, в анализе с позиций экономической теории социализма. Не будучи специалистом в области экономики, я воздержусь от попыток такого анализа, но думаю, что советские экономисты к нему готовы без всяких идеологических или политических ограничений.

Завершая эту тему, хочу выразить сожаление в связи с тем, что профессор Хакамада никак не коснулся вопроса о соотношении форм собственности и в частности о роли кооперативов в создаваемой новой экономической системе СССР. Этот последний вопрос представляется мне очень важным. Кооперативы в последнее время вызывают много нареканий общественности своими высокими ценами. Консервативные силы используют это недовольство для того, чтобы сдержать кооперативное движение. Однако стержневым вопросом, определяющим водораздел между консерваторами и реформаторами, является, на мой взгляд, вопрос о пределах компетенции кооперативов. Консерваторы настаивают на том, чтобы сфера деятельности кооперативов была жестко ограничена теми брешами, которые остаются в производстве и сфере услуг в результате неэффективности государственных предприятий. Иными словами, чтобы кооперативы служили своеобразным громоотводом для государственного сектора, не конкурируя с ним, а лишь дополняя его. Реформаторы в своем большинстве призывают дать кооперативам полную свободу конкурировать с государственными предприятиями, побуждать последние к самосовершенствованию.

В свое время Г. Киссинджер выделил главный, по его мнению, недостаток советской политической системы: отсутствие упорядоченного механизма передачи верховной власти. Действительно, пока что советские лидеры либо умирали на своем посту, либо устранялись с него путем чрезвычайных мер, просто говоря, в результате “дворцового переворота.” Всякий раз смена лидера означала и смену политического курса.

Один из парадоксов перестройки заключается, по-моему, в том, что как политический лидер страны М. Горбачев не имеет альтернативы, однако уже сегодня мы не можем не задуматься о том, в результате какой конституционной процедуры он уступит место своему преемнику. В противном случае мы, видимо, рискуем взамен тоталитарной получить не демократическую, а всего лишь авторитарную систему. Жаль, что профессор Хакамада прошел мимо анализа этого одного из ключевых вопросов политической реформы.

Книга профессора Хакамада несомненно заслуживает очень серьезного осмысления. Фактически она понуждает написать едва ли не такое же по объему исследование. Сделать это я не в состоянии. Поэтому в заключение я ограничусь лишь несколькими замечаниями.

Настораживает та легкость, с которой профессор дает обобщающие оценки национального характера русских. Пользоваться обобщениями типа "все русские" или скажем "все японцы" в принципе следует очень осторожно, поскольку риск ошибки здесь особенно велик. Профессор Хакамада не следует этому мудрому правилу и в результате легкость и безапелляционность суждений его явно подводят. Вот самые характерные примеры.

Русские уважают только силу, заявляет профессор, подтверждая свою мысль тем, что президент США Д. Кеннеди приобрел, дескать, популярность в СССР, благодаря своим решительным действиям в Карибском кризисе, той демонстрации силы, к которой он прибег. До этого же он якобы не воспринимался русскими всерьез как молодой и неопытный политик. Эту версию Хакамада целиком заимствует из воспоминаний А. Шевченко, бывшего советского дипломата, завербованного ЦРУ. Нельзя однако не заметить, что Шевченко пишет о таком отношении к Кеннеди только одного Н. Хрущева. Хакамада произвольно распространяет его на всех советских людей и ошибается. Вряд ли нужно доказывать, что во времена Хрущева советские люди не могли получить практически никакой информации о действиях Кеннеди в Карибском кризисе. На самом деле популярность Кеннеди в СССР связана с его трагической смертью от руки убийцы. Она иллюстрирует, на мой взгляд, две в равной степени характерные для нашего народа черты характера: сострадание невинным жертвам и приверженность стереотипам, конкретно, черно-белому восприятию американской политики — президента убили расисты и реакционеры, значит сам он был прогрессивным деятелем.

Точно так же упрощенно, чтобы не оказать примитивно, объясняет профессор Хакамада популярность у нас Японии и японцев. Он связывает эту популярность только с экономическими успехами послевоенной Японии. А между тем в ней воплотилось и сочувствие народу, пережившему атомные бомбардировки, и элементарный интерес к восточной экзотике

Русские всегда стремятся урвать побольше, в своих контактах с другими странами они ведут себя как "мужики на базаре," заламывая поначалу явно несуразную цену, утверждает профессор Хакамада. Столкнувшись с такой оценкой, просто изумляешься.

И это оценка специалиста? Неловко даже напоминать профессору факультета международной политики, что выдвижение максимальных исходных требований на переговорах — это азбука дипломатической тактики. К слову сказать, на переговорах с СССР в 1955-1956 гг. к такой тактике прибегала и сама Япония, последовательно требовавшая передачи ей сначала всех Курильских островов и южной части Сахалина, затем только Курильских островов и, наконец, только четырех из них. Применяя логику профессора Хакамада, здесь, очевидно, тоже надо сказать, что Япония стремилась “по-мужички” урвать побольше.

В одной из последних глав своей книги профессор Хакамада “ловит” русских на “измене марксизму” на том основании, что, описывая сегодня русско-японскую войну 1904-1905 гг., мы говорим о героизме русских солдат. Книгу Хакамада я читал во время отпуска далеко от Москвы. У меня не было поэтому возможности разыскать учебник истории Покровского и официальный журнал Лиги наций, которые цитирует профессор. Хочу однако прояснить свою позицию.

В первые послереволюционные годы в нашей стране было немало сторонников полного отрицания дореволюционной истории и культуры. Раздавались, например, призывы отказаться от творений Пушкина и Некрасова, Гоголя и Достоевского, на том основании, что все эти великие литераторы были частью буржуазно-помещичьей культуры. Поговаривали и о необходимости навсегда вычеркнуть из памяти народа великих русских военачальников и флотоводцев Суворова, Ушакова, Нахимова и многих других, поскольку все они, дескать, служили царизму. Нужно ли доказывать, что все эти левацкие перегибы не имеют ничего общего с марксизмом, что наш народ имеет право гордиться своей историей и культурой, в том числе и военной доблестью предков, ничуть не меньше, чем французы — Наполеоном, англичане — Нельсоном, а японцы — адмиралом Того. Наша оценка русско-японской войны 1904-1905 гг. как грабительской и несправедливой с обеих сторон неизменна. Обе страны стремились к господству в Корее, оба правительства вынашивали далеко идущие захватнические планы. Нечего и говорить поэтому, что знаменитое в Японии заявление Сталина, которое приводит профессор Хакамада, заслуживает полного и однозначного осуждения. Но абстрагируясь от политической оценки русско-японской войны, от антимарксистских высказываний Сталина, мы обязаны по достоинству оценить героизм русских военнослужащих, разделить со всем народом горечь гибели соотечественников. Неужели профессор Хакамада всерьез считает, что марксисты не должны скорбеть о жертвах несправедливой войны. Или, осуждая царское правительство России, оправдывать императорское правительство Японии.

Наконец, самое последнее. В главе о влиянии Японии на СССР профессор Хакамада делает удивительное “открытие” когда утверждает, что усиление режима сталинской диктатуры, расширение репрессий и террора в СССР в предвоенные годы было обусловлено приходом к власти нацистов в Германии и “военным проникновением” Японии в Китай. Как бы порадовались наши сталинисты сегодня, узнай они мнение профес-

сора. Ведь они тоже настаивают на невинности Сталина, на том основании, что вся его внутренняя политика была вынуждена внешними обстоятельствами. Хочется все же верить, что профессор Хакамада не разделяет взгляды сталинистов и русских националистов из общества "Память," что подыгрывает всем им он просто неосознанно.

Книга профессора Хакамада — это большая и многогранная работа специалиста, человека, хорошо знающего СССР. Она не может быть оценена однозначно. Вместе с тем, на мой взгляд, она все же менее интересна, чем работы американских авторов, скажем, блестящая книга Хедрика Смита "Русские." Почему так получилось? Уверен, что профессор Хакамада знает нашу страну не хуже, а скорее лучше, чем американский журналист. Дело, как мне кажется, в том, что профессор Хакамада писал свою книгу для японских читателей, примеряясь к их представлениям об СССР, уровню знаний советской действительности. Если это предположение верно, то мне остается лишь констатировать, что японские читатели знают нашу страну хуже, чем американские, что восприятие СССР японцами отягощено массой стереотипов. Практически это означает что профессору Хакамада, его коллегам, да и всем нам предстоит еще много работы, причем работа эта будет становиться все сложнее и сложнее.

Георгий КУНАДЗЕ
Институт мировой экономики
и международных отношений,
Академии наук СССР.